

3 дек. 1978

«Надаль» № 45 (978) 4

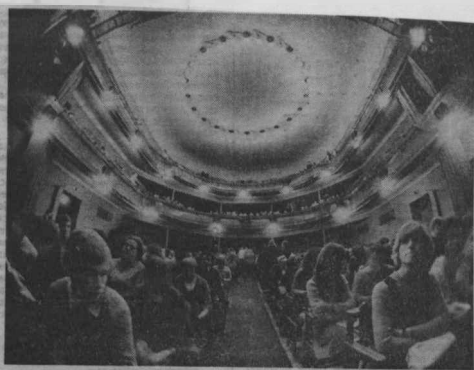
М. О. Кнебель — известный театральный деятель и педагог, руководитель режиссерского и актерского курсов Государственного института театрального искусства им. Луначарского. Ее книга «Поэзия педагогики», удостоенная Государственной премии за этот год, освещает живые уроки К. Станиславского, Вл. Немировича-Данченко, М. Чехова, А. Попова, составляющие суть сценического творчества и по сей день.

преданность школе режиссуры и мастерства актера, воспринятая мной у Станиславского и Немировича-Данченко. Я глубоко убеждена, что школа эта должна жить и развиваться. Отсюда у меня возникает живой интерес к тем, кто дожил эту школу до наших дней.

Мы имеем сейчас в запасе широкий диапазон с искусством всего мира. Ситрин спекулирует наших гостей из зарубежных стран, ставя нас в паче и в паче — встреча с разными методами постановки, с разным взглядом на существование актера на сцене.

Мы наблюдаем многообразие сценических поисков не только в разных странах, но даже в разных городах нашей страны, в разных учебных заведениях одного и того же города. Это дает мне право утверждать — там, где проявляется интерес к искусству человека к его истинным чувствам, страсти и мысли, — там актеры и режиссеры порой сознательно, а порой и интуитивно ищут пути к эстетике Станиславского и Немировича-Данченко.

На нашем многонациональном режиссерском факультете ГИТИСа учатся люди из множества стран. На уроках мы нередко знакомимся с развитием искусства наших

ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

Мария КНЕБЕЛЬ, народная артистка СССР

Тридцать лет я провела во МХАТе и почти тридцать лет мне его стен. Так же, как я не забыла родителей, не забыла Михаила Чехова, который был моим первым учителем, — так же я всегда буду помнить то прекрасное, чем наполнила меня МХАТ. Всем тем немногим, что мне унаследовала в жизни — в режиссуре, педагогике, в статьях и выписках, — я обязана МХАТу.

Может быть, если бы я до сих пор не прошла там ни ступень спектакля, меня невольно затолкали бы будни театра, и благодарности моя МХАТу была бы на белом листе.

В жизни закон «отстранения» очень силен. Лучшая заинтересованность в роли или постановке, может быть, мешала бы, заставляла бы то высокое и прекрасное, что мы, теперь выходящие на сцену, получали из гения режиссуры и педагогики — М. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Каждый из нас по-разному использовал это богатство. Но я думаю, что все мы в одинаковой степени считали себя счастливейшими людьми. Ведь на нашу долю выпала радость учебы, доброты и строгости, радость общения с теми людьми, которые и в себе представляли высочайшие творческие способности.

Мы общались с теми, кто стоял на вершинных нравственных позициях в жизни и в искусстве.

Когда в душе в то, что дает мне до сих пор силу ощущать свою ответственность перед жизнью учеником ГИТИСа, я нахожу только один ответ. Меня питает

поклонение. Во многих странах теория Бертольда Брехта заняла почетное место. В нашей театроведческой литературе появилось немало трудов и о Брехте, а о том, как сполна освоить его теорию этического театра со школы Станиславского. Я убеждена в том, что современный режиссер обязан быть человеком в высочайшем смысле эволюционным и непредвзятым. Нам надо быть в курсе всего того, что делается в мире. Нам не надо закрывать глаза на то, что мыслит Брехт, — значит у нас множество людей. Но мы должны постоянно помнить, что наша школа затрагивает несравнимо более широкие пласты творческих импульсов художественной культуры. Наша искусство, искусство Станиславского и Немировича-Данченко, исходя от сути национального, русского искусства, в котором участвует и ум, и чувство душой.

Но чтобы развивать принципы этой школы, надо самому постоянно находиться в развитии. Оглядываясь на свое прошлое, я не-

мо оспариваю, что, где бы мне ни приходилось работать (я работала во многих театрах и встречалась с актерами, пришедшими из самых разных театров и школ), мне всегда было легко. Я была им нужна прежде всего потому, что делалась с ними тем, что мне давало тридцатилетнее пребывание во МХАТе. Вернее, не пребывание, а учеба, Александра учила. Там я стала актрисой, режиссером, педагогом. Там я познала, что искусство и нравственность должны стать законом требований не только и другим, но прежде всего к самому себе.

Профессия наша трудная. Она требует глубокой веры в то, что человек, его психология, его связь с жизнью являются главным в нашей театральной деятельности.

Как только человек перестает интересоваться режиссером — верой своей, а порой и через годы — мы замечаем, что его уверенность в преданности школе Станиславского — ложь. Мне кажется глубоко ошибочным, что школу Станиславского

применяют в определенном периоде, вышедшему драматургии А. П. Чехова и А. М. Горького. Школа МХАТа открывает широкие горизонты. Театр существует и будет существовать всегда, пока в нем будет говорить, петь или танцевать человек.

Говорящий, поющий, танцующий артист, владеющий спецификой, притягивающий его силу творчества, становится главным художником только тогда, когда он через пение, танец или слово расширяет нам то, что Станиславский называл жизнью человеческого духа.

Наша школа предполагает самые различные жанры, различные формы. Есть только одно непререкаемое условие — интерес к человеку.

Меня, посвятившую театру всю свою жизнь, удивляет и настораживает, как бы это сказать, некоторая забывчивость наших актеров. Искренности не хватает не только в театральной школе. Она начинается в еще более раннем возрасте. Отцы и деды, прошедшие

суровые годы войны, тотал, чтобы из детей и внуков жизнь легче. И на наших сменяемых порой появляются недостаточно талантливые дети талантливых родителей. Сейчас у меня два курса — режиссерский и актерский. Режиссеры — взрослые люди. С них спрос особый. Актеры пришли со школьной скамьи. И вот ведь что: только одному актеру, овладеть школой — дело не менее трудное, чем стать конструктором, ученым, космонавтом. У меня сжимается сердце, когда я думаю о том, на что некоторые из них терпят минуты, часы, дни.

Они, по-видимому, искренне хотят стать артистами, но так же искренне не понимают, какую трудную профессию выбрали. Я не люблю такие стариковские слова, как «наше время», «когда-то мы...» и т. д. Но в дни 80-летия МХАТа я, его основательница, особенно остро ощущаю разницу в требованиях, которые предъявляли нам учителя, с теми минимумами, с которыми я выросла, лишь бы закончить в умах и сердцах своих учеников то, что у меня и чему отдаю жизнь. Я успокаиваю себя тем, что они постепенно взрослеют и поймут, что способности еще ничто, что без громадного труда, без ежедневной работы над собой ничего не достигнешь.

Глядя сейчас на безымянные лица своих студентов-актеров, опоздавших на 5, а иногда и на 10 минут на урок, я в этот момент, по какой-либо причине, и с грустью думаю: «То, что я не пущаю его на урок, не так уж существенно, главное это то, что в душу школьник мыслит: не ставшая ты актером или актрисой, о которой мечтали люди, создавшие МХАТ».

Невольно вспоминаю Николая Павловича Хмелева. С начала наших общих школьных лет до дня его смерти он был мне особенно близок, особенно дорог за чистоту взаимоотношений. Автор второго поколения МХАТа. Он познал известность, признание. Но каким театром он пришел к вершинам творчества, чаще всего забывал. Остаток — талант. Да, он был талантливым, но он давал себе ясный отчет в том, что ему предстоит преодолеть, чтобы не только он сам, но и все окружение поверило в него. Он учился трудно. Безжалостно к себе и к педагогам. Требуя замечаний. Постоянно преодолевая свои, не очень выгодные данные.

То, как учился Н. П. Хмелев, кажется мне сейчас легендой. И работал он так же, как учился, преодолевая кажущуюся для многих «неподходящность» к той или иной роли, он подтверждал свой талант трудом, работой. Он верил в свое призвание. Он посвящал жизнь искусству и не на словах, а на деле доказал право стать выдающимся актером на сцене советского театра.

Подготавливая свою статью, я хочу напомнить моим, которые из наших рук получают такую благородность и верность школы МХАТа, слова Н. В. Гоголя: «Забейте же с собой в путь, выходя из нашего киоска, в суровое ожесточенное мужество, заберите с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подметите потом».

НА СНИМКАХ:

- Зрительный зал.
- Новое здание театра.